40. УДАВЛЮСЬ, А НЕ СКАЖУ!

Такая бѣда припала, говорилъ мужичокъ своему сосѣду, что хоть плачь; тутъ вотъ подай да подай, и передышки не даютъ, а взять–то ихъ негдѣ!

— Да вѣдь у тебя никакъ было еще цѣлковыхъ съ пятокъ за Семеномъ Могарычевымъ, — съ зимы за нимъ оставалось, какъ онъ у тебя для поставщиковъ–то хлѣбъ бралъ?

— Э, вотъ то–то братъ и есть, что въ копнахъ не сѣно, въ потравѣ не хлѣбъ, а въ людяхъ не деньги! Семенъ себѣ на умѣ — говоритъ теперь нѣтъ, подожди; что съ нимъ дѣлать станешь!

— Экой старый хрѣнъ, Богъ его суди, да у него денегъ много; неужто онъ тебѣ шести цѣлковыхъ не сможетъ отдать?

— А что съ нимъ дѣлать–то станешь? Говоритъ нѣтъ теперь, подожди. Ужъ это такой человѣкъ, что его не разжалобишь. Онъ вишь пуще всего боится, не узнали–бы

люди, что у него деньги есть; только заикнись, скажи, что у тебя вѣдь есть деньги, Семенъ, — то онъ тебѣ станетъ божиться и зарекаться и ужъ пуще не дастъ, хоть что хочешь дѣлай. Онъ вишь все самъ ходитъ да тужитъ, что тяжкое время пришло, жутко на свѣтѣ, да хочетъ чтобъ и всякъ съ нимъ походя тужилъ: вотъ–де, сердешный, Могарычевъ Семенъ, былъ человѣкъ съ достаткомъ, а теперь извелся весь; семья большая, надо прокормить, надо одѣть, справить повинности — вотъ его и не стало! — Вотъ онъ чего хочетъ. Опять же, люди говорятъ, что деньги у него гдѣ–то зарыты; а теперь онъ боленъ, лежитъ, ужъ которая недѣля — вотъ достать–то безъ него и некому.

Семенъ Могарычевъ, на котораго плакались мужички наши, точно былъ таковъ, какъ они говорили: онъ сидѣлъ, хилый и дряхлый, на печи — кряхтѣлъ, а между тѣмъ долговъ не платилъ, повинности оплачивалъ послѣднимъ, семью свою кормилъ и одѣвалъ плохо, а самъ плакался на свое убожество. Люди

дивились ему, зная что у него долженъ быть достатокъ хорошій и не знали куда у него что дѣвается, словно горитъ въ рукахъ: никогда нѣтъ денегъ, хоть на пять–сотъ рублевъ хлѣба продастъ. Хозяйка его, Аксинья, плакалась на свою долю и черезъ силу содержала хозяйство; былъ скупъ Семенъ всегда, но зналъ мѣру; а теперь, подъ старость, что ни дальше, то хуже. Бога ты не боишься Семенъ, говоритъ она ему, дочери выросли у тебя, да наги и босы ходятъ, что стыдно показаться въ люди; что мы нищіе что–ли какіе? Бога ты не боишься, куда ты деньги прячешь? — Какія у меня деньги, ты что–ли съ дочерьми заработала? а самъ отворотится, да и молчитъ, какъ воды въ ротъ набралъ, хоть говори что хочешь. Куда ты Семенъ деньги бережешь? — Молчитъ Семенъ, и даже не стонетъ, покуда не замолчитъ хозяйка, видя что ничего не добьется.

Сидитъ Семенъ на печи недѣлю, другую, пошелъ и другой мѣсяцъ — легче нѣтъ старику, а видно все хуже. Настала весна, дѣло подходитъ къ Пасхѣ, которая

случилась самая поздняя; прочіе старики давно сползли съ печей, отогрѣли старыя кости свои на солнышкѣ и стало имъ полегче; а Семену все хуже да хуже. Что я съ нимъ стану дѣлать, плакалась Аксинья на бѣду свою — человѣкъ совсѣмъ умираетъ, Богу душу отдаетъ — а насъ сиротъ покинетъ нагихъ и голыхъ, по міру пуститъ, не скажетъ старый, гдѣ деньги у него — такъ и помретъ! Что я горемычная стану дѣлать? Деньги-то зарыты у него гдѣ-то, вотъ почему онъ и добрыхъ людей въ грѣхъ вводитъ, никому долговъ не плотитъ, и скотинушку всю изъ дому продаетъ, на домашнюю потребу; самъ-то итти въ лѣсъ не сможетъ, сила не беретъ, а сыну не повѣритъ; вотъ и молчитъ. Ужъ и сыновья-то въ ноги кланялись ему сколько разъ, и дочери руки цѣловали, и я горемычная слезами обливалась — нѣтъ, молчитъ, только проворчитъ про себя: какія у меня деньги — гдѣ онѣ! — и опять лежитъ день, голосу не подастъ.

Потолковавъ разъ другой и видя что дѣло плохо, Аксинья послала сына за

попомъ. Долго старый Семенъ отговаривался и ворчалъ, что не надо, я еще не умираю, — а видно умереть ему больно не хотѣлось — однако позвали попа, разсказавъ ему дѣло, и просили усовѣстить упрямаго Семена, чтобъ сказалъ гдѣ у него деньги, а на тотъ свѣтъ ихъ съ собою не уносилъ, сиротъ не покидалъ въ бѣдѣ и нищетѣ.

Будто не хотя старикъ принялъ священника, видно догадываясь, о чемъ пойдетъ рѣчь; Семенъ кряхтѣлъ, хмурился, поворачивался, но понимая, какъ христіанинъ, что надо исполнить долгъ и не погубить души своей, онъ просилъ исповѣдоваться и пріобщиться св. тайнъ. Священникъ разговорился съ нимъ однако напередъ, и старикъ, хоть и отмалчивался, и кряхтѣлъ, будто тяжело говорить, но все таки далъ наконецъ духовному отцу отвѣтъ и привѣтъ и сознался въ немногихъ словахъ, что у него есть деньги и что они, ради осторожности отъ воровъ, зарыты, въ лѣсу. Не смотря однако–же на всѣ убѣжденія попа, Семенъ болѣе сказать не

могъ или не хотѣлъ, а кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ показать на другой же день старшему сыну своему мѣсто, гдѣ деньги лежатъ и повторилъ тоже хозяйкѣ своей и сыну, которыхъ батюшка позвалъ, чтобы порадовать ихъ и поздравить съ доброю вѣстію. Вся семья радовалась и благословляли попа за доброе его дѣло. Затѣмъ всѣ вышли, и старикъ исповѣдался и причастился.

Пришелъ другой день — и день этотъ былъ день общей радости и веселья, день празднества для всѣхъ, не только въ домѣ Могарычева, гдѣ отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и гдѣ радость была не въ радость — но и во всей деревнѣ, во всей околицѣ и по всему русскому царству: это былъ день Свѣтлаго Воскресенія Христова. Звонъ колоколовъ раздавался по чистому весеннему воздуху издалече, черезъ долы и пригорки; солнышко ярко освѣщало свѣжую зелень, легкій вѣтерокъ переносилъ теплое дыханіе весны и благовѣстъ окружныхъ селеній.... Семенъ былъ дома одинъ; старъ и малъ, Аксинья съ дочерьми

и сыновьями отправилась къ заутренѣ, одѣвшись какъ и чѣмъ могли, хоть бѣдно, да опрятно, и во уваженіе такого святого праздника и добраго покаянія старика, не упрекнули его ни разу въ томъ, что сыновьямъ, и пуще того дѣвкамъ–невѣстамъ, почти не въ чемъ одѣться и въ люди показаться.

Приходятъ всѣ домой, спокойные, веселые, хоть и печальные въ то же время, потому что ожидали со дня на день кончины отца — христосуются со старикомъ, поздравляютъ его съ праздникомъ и съ Божьею милостію, которая дала ему дожить до этого дня, благодарятъ его, что онъ сталъ до нихъ и самъ добръ и милостивъ, обѣщавъ наградить ихъ за долгое терпѣніе и смиреніе и указать гдѣ у него лежатъ деньги — и видя что старикъ плохъ и слабъ, невольно опасаются въ то же время, чтобъ онъ не ослабѣлъ вовсе и не отдалъ бы Богу душу, прежде чѣмъ успѣетъ исполнить свое обѣщаніе.

Помолились еще разъ всѣ вмѣстѣ, разговѣлись; а старикъ, собравшись съ послѣдними силами, не только приподнялся и сидѣлъ — чего ужъ давно не дѣлывалъ, но даже съ помощію сыновей привсталъ для молитвы на ноги. Скоро, однако–же, онъ опять ослабѣлъ, легъ, завернулся и укрылся тулупомъ своимъ. Немного погодя, домашніе его стали безпокоиться объ немъ и на него посматривать; Аксинья подошла и стала осторожно заглядывать въ лицо Семена, — а онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза и молчалъ. Чтожъ, Семенъ, сказала она, радостный день пришелъ: сдѣлай, что ты обѣщалъ попу, и Богъ тебя не оставитъ; мы всѣ выйдемъ отсюда, оставимъ съ тобою одного старшаго: поговори съ нимъ, открой ему душу свою — онъ будетъ у насъ за мѣсто отца, пусть онъ одинъ и знаетъ, что есть у насъ и гдѣ оно лежитъ....

Семенъ помолчалъ, вздохнулъ, приподнялся самъ, безъ всякой помощи и вдругъ сказалъ твердымъ голосомъ: запрягайте телегу — да скорѣе!

Услышавъ это, сыновья бросились исполнить отцовское приказанiе, и черезъ нѣсколько минутъ пришли сказать, что лошадь готова. Они оба стояли передъ отцомъ, ожидая его приказанiй и полагая, что онъ велитъ одному изъ нихъ ѣхать и скажетъ куда.... Но Семенъ посмотрѣлъ на всѣхъ, вздохнулъ, спустилъ ноги на земь и сказалъ твердымъ голосомъ: подайте мнѣ сапоги, поясъ и шапку.... и армякъ новый подайте....

Не смѣли они, отъ изумленiя, ни спорить съ нимъ, ни уговаривать его, ни даже спрашивать, что онъ хочетъ дѣлать. Они подали отцу одѣться, и онъ самъ натянулъ сапоги свои, которые давно уже не были у него на ногахъ, всталъ, надѣлъ армякъ, подпоясался, надѣлъ шапку и твердымъ шагомъ, не говоря ни слова, пошелъ къ дверямъ. Аксинья испугалась, бросилась къ нему, стала спрашивать и уговаривать — но онъ сказалъ только: отойдите прочь, пустите, я самъ поѣду — и вышелъ вонъ. Сыновья пошли за нимъ, ухвативъ также съ собою шапки и полагая

что отецъ кому нибудь изъ нихъ велитъ ѣхать съ собою; но старикъ молчалъ, молча сѣлъ въ телегу и молча взялъ въ руки возжи.

— Господи, что это будетъ — проговорила Аксинья и принялась въ испугѣ уговаривать мужа, взять по крайней мѣрѣ съ собою одного изъ сыновей; Семенъ подумалъ, вздохнулъ и молча кивнулъ было головой — старшій вскочилъ въ телегу и лошадь тронулась.... Стой, закричалъ Семенъ громко, въ воротахъ; стой! Не надо мнѣ сына, не хочу, выходи: одинъ поѣду. Сколько ни просили его, сколько ни уговаривали, что онъ слабъ, боленъ, не сможетъ — ничего не могло заставить его взять съ собою сына: не хочу, сказалъ онъ, не надо, а то не поѣду вовсе. Сынъ вылѣзъ и старикъ одинъ отправился въ путь.

Всѣ домашніе вышли за нимъ слѣдомъ за вороты — кто дивился и молчалъ, кто напутствовалъ старика благословеніями, а онъ, перевалившись черезъ гору, скрылся. Никто не посмѣлъ однакоже итти за нимъ слѣдомъ: старикъ по временамъ

оглядывался и даже разъ пригрозилъ назадъ кнутомъ. Старшій сынъ подумалъ, глядя вслѣдъ за отцомъ: видно деньги зарыты, какъ и люди говорятъ, въ терновомъ оврагѣ, отецъ въ ту сторону поѣхалъ.

Прошло нѣсколько часовъ, пора ужъ и обѣдать — а Семена нѣтъ. Ждали, наконецъ сѣли и пообѣдали — Семена все нѣтъ. Аксинья стала крѣпко безпокоиться, бояться за старика, не случилось–ли съ нимъ чего, и она послала сыновей искать отца. Старикъ совсѣмъ умиралъ, три мѣсяца съ печи не слѣзалъ — а тутъ вдругъ отправился одинъ, Богъ вѣсть куда....

Сыновья воротились вечеромъ, прошедши весь терновый оврагъ, но ни отца, ни лошади не видали. Аксинья всплеснула руками и залилась плачемъ; во всемъ домѣ поднялась тревога, сосѣди сбѣжались. Что дѣлать? Гдѣ искать отца? Ночь на дворѣ, а онъ уѣхалъ Богъ вѣсть куда!

Вдругъ кто–то со стороны закричалъ: да вонъ съ горки порожняя телега Могарычева

ѣдетъ, одна лошадь идетъ! Оглянулись, лошадь точно плетется съ телегой поперегъ поля и спускается прямо въ деревню; но идетъ не съ той стороны, куда отецъ поѣхалъ. Кинулись навстрѣчу: въ телегѣ армякъ, шапка и поясъ отцовскіе и кнутъ; а его самаго нѣтъ. Смекнувъ, что лошадь вѣрно черезъ поле пришла домой, прямымъ путемъ, всѣ пошли гурьбой прямо въ эту сторону и разсыпались по небольшому лѣску, верстахъ не болѣе двухъ отъ деревни.

Уже смеркалось; люди прошли ночью той весь лѣсокъ, не нашедши ничего; вдругъ одинъ поднялъ страшный крикъ, остановившись на мѣстѣ и сзывалъ всѣхъ къ себѣ. Сошлись: передъ ними на деревѣ висѣлъ, страшно вытянувшись во весь ростъ, старикъ Семенъ.

Не могши отдѣлаться отъ настояній семьи своей и всѣхъ добрыхъ людей, показать то есть гдѣ у него деньги, а также не рѣшаясь разстаться съ богатствомъ своимъ, онъ удавился.